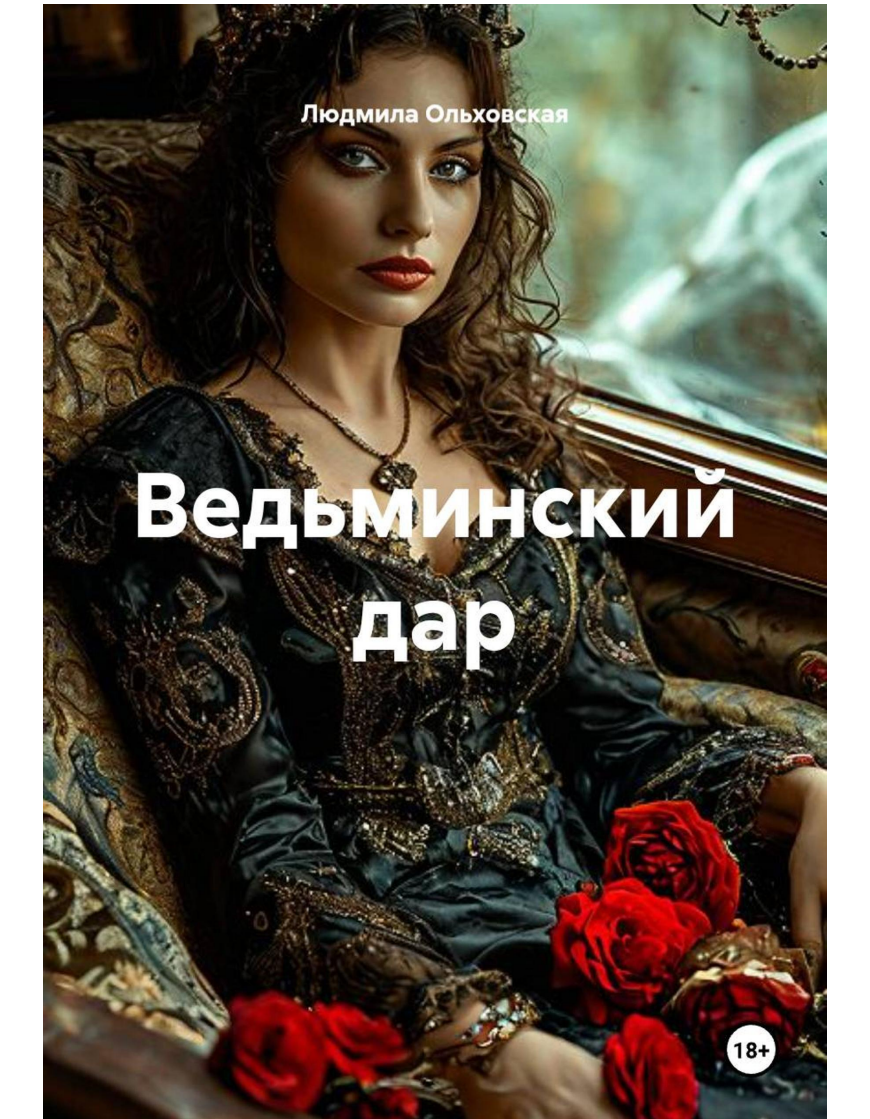

A woman with long, wavy brown hair and blue eyes is seated in the back of a car. She is wearing a black, long-sleeved dress with intricate gold embroidery and a dark necklace. Her expression is serious as she looks towards the camera. In the foreground, several vibrant red roses are scattered on the car's interior. The background shows the blurred interior of the vehicle and a glimpse of the outside world through the window.

Людмила Ольховская

Ведьминский дар

18+

Людмила Ольховская

Ведьминский дар

<https://litres.ru/73939013>

SelfPub; 2026

Аннотация

Умирающая ведьма вложила кулон в руку фельдшера Ирины прямо в карете скорой. Сказала только: желания сбудутся. Ирина не поверила — зря.

Первые три дня всё шло как по волшебству. Муж стал внимательнее, сыновья послушнее, деньги появились. Ирина решила: дар настоящий и ей повезло.

На четвёртый день желания начали работать наоборот. Вспыхнула ссора, любимый ушёл, близнецам пришлось не сладко. В доме поселилась беда. Ирина мечется по гадалкам, но ответа нет. Если бы она могла тогда предположить, как появление дара — и появление ребёнка — изменят её жизнь... Но за всё в этой жизни нужно платить.

Спасать семью берётся Лиза, приёмная дочь.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	9
Глава 3	15
Глава 4	24
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Людмила Ольховская

Ведьминский дар

Глава 1

Скорая неслась по мокрому шоссе, подпрыгивая на ухабах. Ира сидела сзади рядом с носилками, вцепившись побелевшими пальцами в поручень. Женщина на носилках — вся в крови, с седыми спутанными волосами — была уже почти мертва, но Ира продолжала борьбу. Она давила на её грудь, делая непрямой массаж, и счёт сбивался с губ горячим шёпотом. — Не уходи, — шептала она, прижимаясь щекой к холодному лбу пациентки. — Дыши.

Вдруг женщина открыла глаза. Мутные, но странно живые. Губы зашевелились, разлепляясь с трудом: — Спасибо Ты старалась. Возьми, тебе пригодится. Слабая, но неожиданно крепкая хватка сжала Ирину ладонь. В ладонь скользнуло что-то маленькое, твёрдое — медальон из берёсты на кожаном шнурке. От него шёл жар, пробирающий до костей: обжигающий и ледяной одновременно. Ира дёрнулась, пытаясь отдёрнуть руку, но женщина держала мёртвой хваткой. — Что это? — выдохнула фельдшер. — Оно уже выбрало тебя, — прошептала незнакомка, и в её мутных глазах мелькнуло что-то древнее, понимающее. Ира почувствовала,

как тепло растекается от ладони к плечу, к сердцу — словно кто-то влил под кожу расплавленное стекло. Перед глазами поплыли круги. Женщина разжала пальцы, откинулась на носилки и затихла. Монитор запищал непрерывной плоской линией. Николай, водитель, выругался и начал реанимацию, но Ира уже знала: бесполезно. Она стояла, прижимая к груди руку с зажатым медальоном. Внутри, вместо фото, лежал кусочек коры с выцарапанной буквой «Я». Ира хотела разжать кулак и выбросить странную вещь. Хотела закричать, отказаться. Но пальцы не слушались — словно приклеились к берёсте. Страх боролся с любопытством, усталость — с инстинктом самосохранения. Она медленно сунула медальон в карман, сама не зная зачем. Домой она вернулась под утро.

Дождь лил как из ведра. Двухэтажный дом бабушки Варе стоял на пригорке, нависая над озером, словно старый корабль, вросший в берег. Выцветшая зелёная крыша, резные наличники, помнившие ещё прадеда. Вдоль стен жадно вился дикий виноград, и его мокрые листья бились о рамы, словно просились внутрь. На втором этаже, куда Ира поднялась на цыпочках, было три спальни: бабушкина, её собственная и братьев-близнецов.

Дима и Олег, оба семиклассники, родились с разницей в двенадцать минут, но были разными, как топор и флейта. Дима — основательный, хозяйственный, терпеть не мог бардак. Олег — беспечный, ленивый, с неизменной улыбкой и таким лёгким нравом, что сердиться на него было невозмож-

но. Сейчас оба спали.

Ира прошла в свою комнату — тихую гавань, обустроенную точно под себя. Евро-кровать с высокой спинкой, платяной шкаф и туалетный столик цвета слоновой кости. Бельё серовато-бежевое, на полу плотный ковёр кремового оттенка. Только бордовые шторы глубокого, густого оттенка напояли, что внутри неё самой живёт скрытая глубина. Она села на край кровати, не зажигая света, вытащила медальон. Берёста едва заметно светилась. Буква «Я» смотрела на неё, словно чей-то прищуренный глаз. — Что же ты такое? — прошептала она. Легла не раздеваясь и провалилась в тяжёлый сон.

Утром Иру разбудил шум из комнаты мальчишек. Дима и Олег ссорились — обычное дело.

— Это моя футболка!

— Нет, моя!

— Олег, отдай, я тебя просил! Ира вздохнула, потёрла виски. У неё не было сил. Она мысленно попросила, зажмурившись и сжав кулаки под одеялом: «Господи, хоть бы они уже помирились и заткнулись». На секунду стало тихо. Потом из комнаты донеслось совсем другим тоном:

— Ладно, носи. Я себе другую найду.

— Слушай, Дим, хочешь, я тебе свои чипсы отдам?

— Серьёзно? Олег, ты лучший!

Ира замерла. Дима никогда так легко не уступал. Олег никогда не предлагал чипсы просто так. Она медленно пере-

вела взгляд на тумбочку. Медальон лежал там, и буква «Я» словно усмехалась. «Не может быть», — подумала она. Потом осторожно, словно боясь спугнуть волшебство, поднесла ладонь к губам и прошептала пожелание — уже намеренно, проверяя:

— Хочу, чтобы на завтрак были горячие блинчики. С творогом. С кухни донёсся вкусный запах. Ира спустилась вниз.

Бабушка Варя морщинистая, с ловкими пальцами, тридцать лет проработавшая бухгалтером, а теперь вязавшая даже во сне, стояла у плиты и переворачивала блины.

— Мама, ты почему.. — начала Ира.

— Встала и захотелось, — перебила бабушка, не оборачиваясь. — Давно блинов не ели. На столе уже стояла тарелка с творогом. Ира вспомнила, как, лёжа в постели, мельком подумала: «Хоть бы этот ливень кончился». Выглянула в окно. Дождь прекратился. Сразу. Будто повернули кран.

— А дождь шел ночью? — спросила она осторожно.

— Лил, — кивнула бабушка, поправляя очки испачканным в муке пальцем. — А потом резко перестал. Прямо как отрезало.

Ира села за стол, уставилась в чашку. Медальон на груди тихо блеснул из-под ворота халата — она сама не заметила, как надела его.

За окном заурчал знакомый мотор. Серая «Скания» вползала в распахнутые ворота. Из кабины вылез Станислав, коренастый, в рабочей куртке — её бывший муж, отец близ-

нецов, дальнбойщик, который появлялся раз в две недели, пах бензином и сигаретами и после которого в доме всегда что-то пропадало: то ключи, то настроение.

— Отец приехал, — донёсся сверху голос Димы, следом — топот босых ног по лестнице.

Ира вздохнула и медленно перевела взгляд с окна на свою руку. Потом на медальон, сжав его в кулаке. Ей вдруг стало страшно и весело одновременно. Она подумала — специально, с отчаянным вызовом: «Не кури сегодня. Хотя бы сегодня». Станислав вошёл в дом, громко хлопнул дверцей шкафа, скинул ботинки, поставив их носками врозь, полез в карман за пачкой. Достал, похлопал по ладони посмотрел, пожал плечами и сунул обратно.

— Чё-то не хочется, — сказал он и сам удивился, почесав затылок. — Ир, чаёк бы.

Ира медленно кивнула, налила ему чаю — руки дрожали, в висках стучало. Она не знала, что это за дар, почему он перешёл к ней и какие у него границы. Не знала, радоваться ей или бежать в церковь. Но пока её желания были маленькими и добрыми, и от этого на душе становилось тепло — как тогда, в машине, перед смертью незнакомки. Она решила никому не рассказывать. Пока. Спрятала медальон под халат и поёжилась, словно от сквозняка.

Глава 2

Скрежет ключа, вгрызающегося в замок гаража, затем утробный, низкий рык мотора. Ира замерла у плиты, сжав пальцами деревянную ложку так, что побелели костяшки. Сердце пропустило удар — привычка, въевшаяся за шесть лет брака. Станислав.

Когда-то она вышла за него по залёту — молоденькая, растерянная, оглушённая. Он тогда казался спасением: шумный, уверенный, с лёгкой улыбкой, от которой у неё подкашивались ноги. Но прошёл год, второй, и его компанейскость обернулась вечными исчезновениями («Я в дороге, Ир, не пили»), а уверенность — снисходительными шутками, от которых у неё внутри всё сжималось.

«Ну куда тебе, Ирка, ты же у нас не модель»

«Супчик так себе, но ты не расстраивайся, не всем быть кулинарами».

Она привыкла оправдываться. Привыкла считать себя недотягивающей. Мама, Варвара Сергеевна, никогда не была на её стороне. Ире доставалось за всё: за работу медсестрой с её вечными ночными дежурствами и внезапными вызовами к тяжёлым больным («Кому ты там нужна, Ира? Лучше бы дома сидела, семью кормила нормально, а не этими твоими бульонами на скорую руку»), за «неумение» готовить, за «мягкий характер». А когда они со Станиславом наконец

развелись, мать лишь поджала губы и махнула рукой, бросив напоследок: «Сама виновата. Такой мужик был, а ты не удержала». И Станислав продолжил заезжать — в гараж, который сам построил, который громогласно обещал оставить сыновьям и в котором иногда ночевал.

Кухня была большой, просторной и плавно перетекала в гостиную-столовую — с широким дубовым столом, высокими стульями и панорамным окном. Здесь всё дышало порядком и достатком, но Ира никогда не чувствовала себя спокойно в этом пространстве. Это была кухня Станислава, построенная под его размашистые замашки, под его друзей, под его «правильную» жизнь. Даже сейчас, спустя два года после развода, когда она нарезала овощи или помешивала суп, ей казалось, что она делает это на чужой территории — временно, по чьему-то негласному разрешению. Только наверху, в своей комнате, куда она поднималась по вечерам, закрывая за собой дверь, Ира чувствовала себя по-настоящему уютно. Там стояло её старое кресло с пледом, лежали книги, которые она собирала годами, и пахло воском от свечей — она любила зажигать их перед сном, наблюдая, как дрожит и успокаивается пламя. Там она была не бывшей женой и не «недоотягивающей» дочерью, а просто собой.

— Ир, привет. — Голос Алексея раздался из дверного проёма, тихий и чуть рассеянный. Он стоял, прислонившись плечом к косяку, и смотрел в экран телефона. — Ты не видела мой второй ноутбук? Серый, тонкий.

— В гостиной на диване, — ответила она, помешивая суп и глядя прямо перед собой. — Слушай, он пришёл.

Алексей поднял глаза. Ни удивления, ни раздражения — но взгляд стал острее.

— Я слышал. Гараж хлопнул.

— Опять будет обедать, — тихо, почти виновато сказала Ира. — В прошлый раз выпил мой йогурт, даже не спросил.

Обычно люди после развода не ходят к бывшим обедать. Но Станислав иначе не умел. Появлялся раз в две недели, шумно отряхивал ботинки прямо в прихожей, и дом наполнялся запахом сигарет и бензина. Проходил на кухню как хозяин — бесцеремонно сдвигал её чашку, брал из холодильника что-нибудь перекусить, разваливался на стуле и за обедом с прежней усмешкой вспоминал что-нибудь из их прошлого — такое, от чего у Иры до сих пор горели щёки. А мальчишки смеялись — для них это были просто смешные истории про маму.

— Пусть поест, если голодный, — пожал плечами Алексей, но в голосе скользнуло что-то жёсткое. — Ир, я забегу на пятнадцать минут в душ, потом сяду доделывать. У нас завтра тест приложения.

— Иди, — кивнула она. — Я его покормлю и выпровожу.

Алексей сделал шаг вглубь кухни и вдруг остановился, глядя, как она напряжённо сжимает ложку.

— Ира, послушай. — Он говорил спокойно, но это спокойствие давалось ему видимым усилием. — Я понимаю, он

отец мальчишек. Приезжает в гараж ладно. Но тебе его не надо обслуживать. Ты ему не жена, не мать и не домработница. Если хочет есть — купит по дороге. Ты же не просила его приходить.

Ира молчала. Перед глазами всплыло лицо Станислава, как он, ухмыляясь, говорил при гостях: «Ирка у меня красавица, только готовить так и не научилась». А гости смеялись, и она смеялась тоже, потому что иначе было стыдно.

— Я знаю, — наконец выдавила она. — Просто... он мальчишкам голову заморочит. Олег его обожает. А я... — она запнулась, — я не хочу, чтобы он при них снова меня... ну, ты понимаешь.

Алексей шагнул ближе, и она заметила, как у него дрогнула жилка на шее. Он всё понимал. И про прошлое, и про привычку сжиматься, и про то, каких усилий ей стоило просто сказать «я не хочу». Он старался как мог не сцепиться со Стасом и поддержать свою любимую.

— Я не прошу ругаться. Я прошу не давать ему свою заботу. — Он легонько коснулся её плеча. — Вечером глянешь цветовую гамму? Я вчера набросал ленту, мне твой глаз нужен.

— Гляну, — кивнула Ира. И впервые за утро выдохнула по-настоящему. Не потому, что он сказал что-то особенное, а потому, что сказал как для него важно ее мнение.

— Беги в душ, а то ты в одной футболке, холодно.

— Не холодно, — улыбнулся Алексей и вышел.

Через пару минут из глубины дома слышался шум воды.

Гараж стоял на краю участка, уходя задней стеной в склон холма. Летом здесь было прохладно, зимой земля держала тепло. Вдоль стен тянулись стеллажи с жестянками, мотками проводов в углу валялась старая магнитола. Пахло бензином, маслом и сырой землёй.

Олег спустился по трём бетонным ступенькам и сразу почувствовал, как отступает волнение. Здесь ничего не надо было объяснять как маме или бабушке. Отец понимал его без слов.

— Ну что, помощник, пришёл? — Станислав не обернувшись, склоняясь над открытым капотом. — Глянь-ка, свечи менять будем.

Олег подошёл ближе. На отце была старая клетчатая рубаха, на плече — пятно масла, руки в трещинах.

— А старые совсем плохие? — спросил он, заглядывая в моторный отсек.

— Почти дохлые. Искра слабая. — Станислав выкрутил свечу, поднёс к глазам. — Видишь нагар? Но я их про запас оставляю. Выбрасывать — не наше дело, пригодятся. Ты это, подай ключ на шестнадцать.

Олег знал, где что лежит. Знал с закрытыми глазами.

Станислав вдруг глянул на него из-под бровей и усмехнулся:

— Ты сам-то как, опять географию до ночи учил?

— Дима учил. Я просто рядом сидел.

— А, ну да. Дима — голова. Алексей говорит, у парня большое будущее. — В голосе отца мелькнула знакомая усмешка, от которой Олегу стало немного неловко, хотя он и не понял почему. — А ты у нас, значит, по железу специалист?

— Мне нравятся машины, — сказал Олег негромко, но твёрдо.

Станислав хмыкнул одобрительно.

— Пап, а почему тебе нравится, что гараж наполовину под землёй?

Станислав обвёл взглядом стены.

— А ты сам как думаешь?

Олег задумался. Когда спускаешься по ступенькам — всё, что наверху, остаётся там. Школа. Разговоры про будущее. Дима, который голова. И про маму тоже — то, что отец над ней смеётся, а она молчит. Здесь этого не было. Здесь были только он и отец, а остальное — снаружи.

— Потому что здесь никого нет, — сказал он наконец. — Кроме нас.

Станислав ничего не ответил. Только хлопнул его по плечу тяжёлой, пахнувшей бензином ладонью и снова склонился над капотом

Глава 3

— Вы чувствуете новые схватки? — спросила Ирина, склоняясь над роженицей в тесном салоне скорой.

Ответом ей стал низкий, утробный стон, переходящий в сдавленный крик. Женщина на носилках выгнулась дугой, пальцы с дорогим маникюром вцепились в поручень. В тусклом свете лампы её лицо, искажённое болью, на мгновение утратило холёность — осталось только мокрое, испуганное лицо измученной женщины с расширенными зрачками. Ирина работала быстро, почти на автомате, но внутри росла холодная тревога. Что-то с самого начала шло не так, как она привыкла.

— Тужьтесь! Сильнее! — скомандовала она.

Женщина закричала в голос — пронзительно, отчаянно. А потом схлынули воды, и на пелёнку выскользнула первая девочка — крошечная, синюшная. Ирина действовала мгновенно: очистила ротик и нос, перевернула тельце и легонько шлёпнула. Тишина длилась секунду, две, три — а потом салон разрезал тонкий, требовательный писк. Первый крик. Жива.

— Хорошая... — выдохнула Ирина, но договорить не успела.

Она только успела пережать и перерезать пуповину, убрать ребёнка в переноску и закутать в стерильную просты-

ню, как роженица снова застонала. Схватки не прекратились. Женщина рожала второго.

Ирина заметила это краем глаза: роженица скользнула взглядом по переноске и отвернулась. Ни одного слова. Ни попытки дотянуться, взглянуть. Только плотно сжатые губы и взгляд, устремлённый в грязный потолок машины, — сосредоточенный, оценивающий.

Вторые роды пошли тяжелее. Тельце не хотело разворачиваться правильно. Ирина работала почти вслепую, в тесном пространстве, где каждое движение давалось с трудом. Руки дрожали от напряжения, пот заливал глаза.

— Тужьтесь! Ну же! Головка уже здесь!

Последнее усилие, сдавленный, почти звериный рык женщины — и Ирина принимает на руки вторую девочку. Такую же крошечную, такую же синюшную, но тихую. Невыносимо, страшно тихую. Ирина похолодела. Она перевернула тельце, растирая спинку мягкой пелёнкой, похлопывая по пяточкам, мысленно молясь всем богам, в которых никогда не верила. И когда тоненький, неуверенный плач — слабее, чем у сестры, но всё же плач — наполнил салон, из глаз Ирины брызнули слёзы облегчения пополам с ужасом.

Потому что в этот самый момент, прижимая к себе второго, такого хрупкого младенца, она встретила взглядом с роженицей.

Та смотрела на них. Не на ребёнка — на Ирину и ребёнка. Взгляд был тяжёлым, оценивающим. В нём не было и тени

послеродового тумана — только ясный, хищный расчёт, совершенно неуместный в этой ситуации. Ирина почувствовала, как внутри что-то оборвалось, ещё до того, как женщина заговорила.

— Вы ведь умная женщина, — произнесла роженица тихо, почти буднично. — Понимаете, что я не смогу забрать обеих. Муж не знает, что их двое.

Ирина замерла. Она смотрела на неё и не понимала, к чему это говорится.

— И что? — только и смогла выдавить она.

Жена мэра вытерла пот со лба тыльной стороной ладони, взглянула на переноску с первой девочкой и заговорила медленно, тщательно подбирая слова, словно диктовала условия делового контракта:

— То, что сейчас здесь родился один ребёнок. Тот, что в переноске. А второй — большая проблема. Для меня. И, как мне кажется, возможность — для вас.

Ирина стояла неподвижно, прижимая младенца к груди. Сердце колотилось где-то в горле. Она поняла, куда клонит эта женщина, и от понимания этого повело холодом.

— Нет. Что вы такое говорите? Это невозможно.

— Вы не дослушали. Я хорошо плачу. Очень хорошо. Назовите сумму — любую разумную сумму, — она говорила спокойно, почти устало, будто речь шла о чём-то обыденном. — Мой человек переведёт деньги в течение суток. Мы больше не увидимся.

Ирина открыла рот, чтобы снова отказаться, — и не смогла. Перед глазами встали лица сыновей: Олег, который давно просит новый ноутбук, Дима, которому нужны репетиторы по математике. Мать с её вечным: «Ира, ты хоть думаешь, как детей поднимать будешь?» А через шесть лет им поступать. На какие деньги?

— Я не могу, — прошептала она. — Это преступление.

— Три миллиона рублей, — перебила её жена мэра всё тем же будничным тоном. — Это больше, чем вы заработаете за три года. Я навела справки, Ирина. Я знаю, сколько получает фельдшер скорой.

Цифра ударила под дых. Три её годовых зарплаты. Это будущее. Это спокойный сон. Это возможность сказать сыновьям: «Да, ребята, выбирайте институт, какой хотите, — я потяну».

Ирина смотрела на жену мэра и вдруг поняла: они похожи. Обе загнаны. Обе делают то, чего не хотят. Обе спасаются — только каждая по-своему. Жена мэра откупается деньгами. А она, Ирина, откупается своей совестью.

И тогда она потянулась к карману.

Пальцы сами нащупали медальон — тёплый, почти живой. Тот самый, что подарила ей умирающая женщина в ту дождливую ночь. «Желай — и сбудется», — прошелестел тогда её голос. Ирина сжала кругляш в кулаке, и на мгновение ей показалось, что сейчас всё можно исправить. Одно слово. Одно желание. Пусть она откажется от своего плана. Пусть

одумается. Пусть всё будет по-другому.

Она открыла рот.

И ничего не сказала.

Медальон внезапно потяжелел, налился холодом — таким резким, пронизывающим, что пальцы онемели.

Холод из медальона растёкся по руке, поднялся к плечу, кольнул где-то под сердцем.

Ирина сглотнула ком в горле. Она сама не заметила, как кивнула. Просто кивнула — коротко, почти незаметно. Но этого хватило.

— Вот и славно, — выдохнула жена мэра и откинулась на подушки. — Ты умная женщина, Ира. Умная и практичная. Я это сразу поняла.

Она уже не смотрела на фельдшера. Она смотрела в потолок машины, и на губах её блуждала спокойная, удовлетворённая улыбка.

Ирина молча отвернулась и стала заворачивать младенца в чистую пелёнку. Руки дрожали — то ли от холода, который всё ещё держался в пальцах, то ли от ужаса перед тем, что она только что совершила. Медальон лежал в кармане ледяным грузом — не помощник, не спаситель, а немой свидетель её падения.

Она повернулась к перегородке и сказала водителю, стараясь, чтобы голос звучал ровно:

— Слушай, тут такое дело. Ребёнок один. Роды прошли нормально. Сейчас заедем на минуту к моему дому — мама

звонила, говорит, давление подскочило, она пожилая, срочно нужна. Роженица не против, она в порядке. А потом быстро к ней — там её личные врачи ждут.

Водитель обернулся через плечо. Ирина увидела в зеркале заднего вида его лицо — усталое, немолодое, с глубокими складками у рта. Он перевёл взгляд на переноску, где тихо копошился первый младенец, потом — на жену мэра, которая демонстративно смотрела в окно. Пауза затянулась. Ирина почувствовала, как внутри всё сжалось: он понял. Понял, что их двое. Понял, что сейчас произойдёт.

— Не переживайте, — негромко, но отчётливо произнесла жена мэра, не поворачивая головы. — С водителем я договорилась заранее. Вы же понимаете.

Водитель помолчал ещё секунду. Потом молча кивнул и включил поворотник.

Ирина закрыла глаза. Прижимая к груди украденную девочку, она прошептала одними губами: «Простите, мальчики. Я просто не могла иначе».

Машина мягко качнулась, сворачивая к её дому. Ирина открыла глаза и заставила себя думать о практических вещах.

Как уволиться. Это первое. Она не сможет выходить на смену с младенцем на руках и этой тайной за пазухой. Значит — написать заявление. Причина: семейные обстоятельства. Начальница будет недовольна, но переживёт. В конце концов, у Ирины двое сыновей-семиклассников, и никто не

удивится, что мать-одиночка уходит со скорой.

Как сказать дома. Вот тут сложнее. Мать, Варвара Сергеевна, никогда не лезла в карман за словом. «Ира, ты опять всё усложняешь». «Ира, ты хоть раз в жизни можешь сделать нормально?» А теперь — младенец. Ниоткуда. Без мужа. Без объяснений. Нужна легенда — простая, железная, которую мать не сможет расковырять. Ирина прокрутила в голове несколько вариантов и остановилась на одном: ребёнок — сирота. Мать умерла при родах. Она, Ирина, принимала эти роды и не смогла остаться в стороне. Решила удочерить. Точка. И никаких подробностей. Мать, конечно, всплеснёт руками, но против мёртвой роженицы не попрёшь.

Мальчики. Олег и Дима. Им по двенадцать. С ними легче. «Мальчики, я удочерила девочку. Её мама умерла. Теперь она будет жить с нами». Коротко. Без лишних слов. Олег, наверное, сразу полезет смотреть — он всё любит трогать руками. Дима нахмурится и спросит что-нибудь не по годам взрослое. Но они примут. Дети принимают всё, что говорит мама, если та говорит спокойно. Ирина попросит их никому не рассказывать — ни в школе, ни во дворе. Скажет, что так нужно. Они поймут.

Алексей. Вот о ком она думала дольше всего. Год назад, когда он впервые заговорил о детях — осторожно, почти робко, — Ирина оборвала его резче, чем хотела. «Нет, Лёш. Я не хочу больше детей. Хватит. Двое есть. Я не готова снова проходить через это — недосыпы, пелёнки, бесконечное

кормление. И рожать я боюсь. Ты же знаешь, я фельдшер, я насмотрелась». Он тогда замолчал. Не спорил. Только отвёл глаза и сказал: «Я понимаю». Но она видела — он обиделся. И видела другое: он согласился не потому, что перестал хотеть. А потому, что надеялся — со временем она передумает.

И вот теперь она несёт в дом младенца. Не от него. Не для него. Чужого ребёнка, которого взяла по причинам, о которых он даже не догадывается. Ирина представила его лицо, когда он увидит кроватку. Когда услышит детский плач. Когда поймёт: она отказала ему — а через год принесла в дом девочку, которую назвала дочерью.

Это будет удар в спину. Она знала это. И всё равно шла вперёд, прижимая свёрток к груди.

Она поймала себя на том, что уже с минуту перебирает имена. Сначала бездумно, просто чтобы отвлечься от внутренней пустоты. Но одно застряло, засело в голове и не желало уходить. Лиза. Короткое, светлое, с ясным звуком. Ирина попробовала его на вкус — произнесла одними губами, почти беззвучно, глядя на крошечное личико. Лиза. Елизавета. И вдруг с удивлением поняла, что внутри — поверх холода, поверх страха — пробивается что-то похожее на решимость. Не любовь. До любви было ещё далеко. Но решение: она оставит эту девочку. Назовёт дочерью. Вырастит. И никто, никогда не узнает, как Лиза появилась в этом доме.

Машина остановилась у ворот. Ирина открыла глаза и увидела свои окна — тёмные, спокойные. Мальчики спали.

У Алексея горел свет в кабинете — наверное, опять работал допоздна. Она вышла из скорой, прижимая свёрток к груди, и на мгновение замерла у калитки. Ветер бросил в лицо горсть холодных капель. Девочка завозилась, тихонько всхлипнула.

— Тихо, маленькая, — прошептала Ирина. — Вот ты и дома.

Она уже взялась за ручку двери, когда вспомнила. Медальон. Он так и лежал в кармане — тяжёлый, чужой. Ирина медленно вытянула его. В лунном свете кругляш казался чёрным, и только выцарапанная буква «Я» слабо серебрилась. Она сжала его в кулаке и загадала: пусть все примут Лизу. Пусть мальчики не спросят лишнего. Пусть Алексей поймёт. Пусть она сама когда-нибудь сможет простить себя.

Толкнула дверь и вошла в дом.

Глава 4

Ира вошла в дом, стараясь не шуметь. В прихожей было темно — только уличный фонарь бросал через окно мутный оранжевый прямоугольник на пол. Она быстро разулась, придерживая одной рукой свёрток под расстёгнутой курткой, и на цыпочках, поднялась по лестнице в спальню.

Дом спал. Мальчики за стеной, мать в своей комнате внизу. Ира слышала собственное дыхание — частое, сбитое, как после бега.

Она осторожно, вынула свёрток из-под куртки и положила на кровать. Лиза завозилась, сморщила нос, но не проснулась — только причмокнула губами и снова затихла. Крошечное личико, чужое и беззащитное, белело в полумраке. Ира на мгновение замерла, глядя на неё. Потом поправила пелёнку, в которую была завернута девочка, и вышла в коридор.

Дверь в комнату Алексея скрипнула. Он спал, дышал глубоко, зарывшись лицом в подушку. Ира присела на край кровати, коснулась его плеча:

— Лёш. Проснись.

Он заворочался, приоткрыл глаза — спросонья мутные, непонимающие.

— Ира? Что случилось? Который час?

— Поздно. Лёш, мне нужна твоя помощь. Срочно.

Он сел, протёр глаза. Волосы торчали в разные стороны, на щеке отпечатался след от подушки. В лунном свете он казался младше своих лет. Ее любимый, с которым она прожила полтора года и которому сейчас собиралась доверить то, что не доверила бы никому.

— Чем помочь? — спросил он. Голос звучал хрипло, но уже осмысленно — он умел просыпаться быстро, сказала работа.

— Присмотри за ребёнком.

— За каким ребёнком?

— Я всё объясню, но сначала — просто присмотри. Пожалуйста.

Она взяла его за руку и повела в спальню. Он шёл за ней молча, ещё не до конца проснувшийся, но уже чувствуя — что-то произошло. Что-то серьёзное.

В спальне Ира остановилась у кровати. Алексей посмотрел на свёрток. Потом перевёл взгляд на Иру. Потом снова на ребёнка.

— Это девочка, — сказала Ира. — Её зовут Лиза. Она родилась сегодня ночью. В скорой.

— В скорой? — переспросил он.

— Да. Слушай меня внимательно. Там женщина, роженица. Она в машине, её нужно отвезти в частную клинику — там уже ждёт врач, мы договорились. Я обещала ей помочь. Побудь с ней, пока я отвезу мать. Я быстро. Вернусь — и всё расскажу. Всё, что знаю. Обещаю.

Алексей смотрел на неё, пока она сбиваясь и торопясь пыталась донести до него происходящее. И в его взгляде медленно проступало понимание. Он не задавал лишних вопросов. За это она его и любила. Другой бы начал допытываться, требовать объяснений прямо сейчас. Он просто кивнул.

— Хорошо. Поезжай. Я присмотрю.

— Спасибо, — выдохнула Ира. Она уже повернулась к двери, но на пороге задержалась. Прикрыла глаза — на секунду, но больше — и мысленно, отчаянно, пожелала: «Пусть все спят до моего возвращения. Пусть мальчики не проснутся. Пусть мама не встанет. Пожалуйста».

Она открыла глаза. Алексей уже сидел на кровати и смотрел на девочку. Лиза спала.

Ира выскользнула за дверь.

В скорой женщина ждала, прижимая к себе второй свёрток — такого же размера, как тот, что Ира оставила дома. Близнец. Та самая девочка, которую мать решила оставить. Ира мельком глянула на неё — малышка спала, свернувшись калачиком на груди у родившей, такая же крошечная и беззащитная, как её сестра.

— Поехали, — сказала Ира водителю.

Они тронулись. Женщина молчала, только изредка поправляла одеяло. Второй ребёнок не просыпался. Город за окном казался вымершим — ни прохожих, ни машин, только светофоры мигали жёлтым на перекрёстках.

Частная клиника находилась на окраине. Ира знала это

место — когда-то возила туда пациента с сердечным приступом. Небольшое двухэтажное здание, обнесённое старым парком. Сейчас там горело одно окно на первом этаже.

Врач уже ждал на крыльце — пожилой, в очках, в накинутом поверх халата пальто. Он помог перенести женщину из машины. Та, уже почти без сил, прижимала к себе ребёнка. Врач взял у неё свёрток, передал медсестре, а саму женщину повёл внутрь. На пороге она обернулась, посмотрела на Иру — благодарно и виновато одновременно — и исчезла за дверью.

Ира осталась в скорой. Водитель заглушил двигатель и повернулся к ней.

— Пока тебя не было, она позвонила своему доктору и сказала, что родила одного.

Ира вздохнула. Водитель покачал головой, но ничего не сказал.

— Надеюсь, она не кинет нас, — произнесла она, глядя в тёмное окно клиники.

Водитель промолчал, завёл мотор.

— Поехали домой, — сказала Ира.

Дом встретил её тишиной. Ира поднялась по лестнице. Заглянула в спальню.

Алексей сидел на кровати, откинувшись на подушки, и казалось спал — . Одна его рука лежала рядом со свёртком, почти касаясь его. Лиза спала тоже. Они, казалось, дышали в одном ритме, словно спелись за эти полтора часа.

Ира замерла в дверях. Затем тихо прикрыла дверь и спустилась на кухню. Налила себе воды. Руки дрожали. Она села за стол и решила пождать, когда Алексей проснётся. Ей нужно было рассказать ему всё.

Но ждать не пришлось на лестнице послышались шаги. Алексей спустился — всё ещё сонный, но уже собранный, серьёзный.

— Я услышал, что ты вернулась, — сказал он. — Как всё прошло?

— Нормально. Я отвезла её. Врач ждал. Она в порядке.

Он кивнул и сел напротив. Помолчал, глядя на свои руки, сложенные на столе.

— Теперь рассказывай.

Ира выдохнула. И рассказала. Всё — с самого начала. Про вызов. Про женщину, которая родила двойню. Про то, как та предложила одну девочку — Лизу — забрать за деньги. Много денег. Хватит на то, чтобы заткнуть самые страшные дыры. Про то, как она согласилась. Про то, что в клинике женщина будет скрывать второго ребёнка.

Алексей слушал молча. Не перебивал. Только желваки ходили на скулах.

Когда она закончила, он долго сидел, глядя в одну точку. Потом поднял глаза.

— Ты сейчас серьёзно?

— Да.

— Ты взяла чужого ребёнка. Среди ночи. Без документов.

Без моего согласия. И привезла в наш дом.

— Лёш...

— Подожди. — Он выставил ладонь. — Я хочу понять. Ты позвала меня, только когда уже всё решила. Я тебе кто? сосед по квартире? Консьерж, которому можно оставить свёрток и сказать «присмотри»?

— Я не могла иначе. Время шло на минуты.

— Время шло на минуты — а решение на всю жизнь. И ты его приняла без меня. — Он помолчал. — Я же тебя просил. Помнишь? Я просил: давай родим. А ты говорила — нет. Что ты своё отмучилась. Что мальчиков еле подняла. Что не готова. Я с этим жил. Я это принял. А теперь ты приносишь в дом младенца — и я должен радоваться?

— Я не жду, что ты будешь радоваться.

— А чего ты ждёшь? — Он смотрел на неё в упор, и в глазах у него стояла не злость — хуже. Растерянность. Та самая, которую она видела у людей в первые секунды после аварии, когда они ещё не осознали, что случилось.

— Я жду, что ты поможешь, — тихо сказала Ира. — Что мы справимся. Как всегда.

— Мы всегда справлялись, потому что мы вместе решали. А сейчас ты решила за нас обоих. И поставила перед фактом. Понимаешь разницу?

Ира молчала. Крыть было нечем.

Он выдохнул. Долго, протяжно, словно выпускал из себя воздух вместе с гневом.

— Ладно, — сказал он уже тише. — Что сделано, то сделано. Ребёнок в доме. Но у меня есть вопросы, и я хочу получить на них ответы. Прямо сейчас.

— Задавай.

— Первое. Деньги. Ты сказала — много. Сколько? И где гарантия, что ты их вообще получишь? Ты знаешь эту женщину? Ты уверена, что она не исчезнет завтра утром вместе со своим обещанием?

— Я не уверена.

— Прекрасно. Второе. Легенда. Что ты собираешься сказать матери? Мальчикам? Откуда в доме младенец?

Ира ответила не сразу.

— Я скажу, что нашла её. Вызов был ложный, ребёнка подбросили в подъезд. Я как фельдшер забрала её до приезда полиции. А потом решила оставить. Мать поверит. Она знает, что я могу сорваться и сделать что-то вот так — не думая. А водитель подтвердит, если что. Скажем — нашли ребёнка, я оформила временную опеку. А там, глядишь, деньги придут — и всё устаканится.

Алексей потёр переносицу.

— А полиция? А органы опеки? Ты понимаешь, что по закону ты обязана заявить о находке, а не тащить её домой?

— Понимаю. Но если я оформлю всё как временную опеку — это законно.

Он смотрел на неё долго, тяжело.

— Допустим, легенду можно вытянуть. Допустим, деньги

будут. Но главный вопрос не в этом.

— А в чём?

— В тебе. — Он подался вперёд, положил локти на стол.

— Ты же не хотела детей. Ты мне отказывала. Я переступал через себя, я смирялся — а ты говоришь: «Чужой ребёнок, но я согласна». Объясни мне, что произошло. Только честно. Не про деньги, не про «жалко». Что случилось у тебя внутри?

Ира закрыла глаза. Ей показалось, что она стоит босиком на краю чего-то острого, и шаг в любую сторону будет болезненным.

— Я держала её на руках, — сказала она медленно. — Маленькую. Мокрую. Орущую. И вдруг поняла: я могу. У меня получится. А ещё — что если я сейчас откажусь, я не смогу с собой жить. Буду себя винить, что отказалась от денег.

Алексей долго смотрел на неё. Молчал. Потом отвёл взгляд в сторону.

— Я не знаю, смогу ли я её полюбить, — сказал он глухо.

— Я вообще не знаю, смогу ли. Ты просишь от меня слишком многого.

— Я знаю.

— И ты понимаешь, что если мы не справимся — то девочка окажется в детдоме? И это будет хуже, чем если бы она попала туда сразу. Потому что она успеет к нам привыкнуть.

— Понимаю.

— И ты всё равно готова?

— Я не знаю, готова ли. Но я уже сделала.

Он снова замолчал. Потом Алексей встал. Подошёл к вешалке, снял куртку.

— Ты куда? — спросила Ира.

— В аптеку. Круглосуточную. Нужны смесь, подгузники, бутылочки — всё, что необходимо для малютки.

— Лёш, три часа ночи.

— Ничего. Я всё равно уже не усну. — Он застегнул молнию, взял ключи. На пороге обернулся. — Я не говорю «да», Ир. И не говорю «нет». Я говорю «посмотрим». Этого пока хватит.

Он вышел. Хлопнула входная дверь. Загудел двигатель. И стих.

Ира осталась в кухне одна. Посидела ещё минуту, глядя в тёмное окно, потом поднялась. Нужно было чем-то занять руки, пока Лёша не вернулся.

Она поднялась в спальню. Лиза спала, но когда Ира наклонилась над ней, в нос ударил кисловатый запах. Пелёнка, в которую девочку завернули ещё там, в скорой, была мокрой насквозь. Ира осторожно развернула свёрток — ткань липла к нежной коже, и малышка недовольно завозилась, свела бровки, готовая вот-вот заплакать.

— Тихо, тихо, маленькая, — прошептала Ира, высвобождая её. — Сейчас переоденемся.

Чистых пелёнок в доме не было. Вообще ничего не было. Ира огляделась, чувствуя, как поднимается паника. За-

тем взгляд упал на шкаф. Новая простыня.

Она подошла к шкафу, стараясь не скрипеть дверцами. На верхней полке лежало постельное бельё — стопки старого, и один новый комплект, купленный месяц назад и так и не надет. Ира достала её, разложила прямо на полу и, взяв ножницы из ящика комода, решительно разрежала на несколько неровных квадратов. Ткань поддавалась легко, успокаивающе шуршала под лезвиями.

Она быстро, почти не дыша, перепеленала Лизу в самодельную пелёнку, подвернула края, чтобы не тёрли нежную кожу. Девочка затихла, уткнувшись носом в мягкую ткань, и тут же уснула снова — будто ничего и не было.

Ира выдохнула. Первая, самая острая волна паники отступила — теперь ребёнок хотя бы в сухом. И тут она заметила, что кровать мокрая. Пришлось сменить бельё. Она достала ещё один пододеяльник, засунула под него полиэтиленовый пакет и положила ребёнка сверху.

Но этого было мало. Малышке нужны были вещи — чепчики, распашонки, хоть что-то. В доме, где росли двое мальчишек, ничего девчачьего не водилось. Кроме...

Ира вдруг вспомнила. Кладовка. Старые коробки. Она не открывала их много лет.

Она обложила Лизу подушками — баррикада получилась ненадёжная, но на несколько минут должно хватить. Затем, всё так же на цыпочках, спустилась вниз, в кладовую под лестницей. Там пахло пылью и сухим деревом. Тусклая лам-

почка под потолком осветила забитые полки. Ира сразу нашла их — две коробки из-под обуви, стоявшие в дальнем углу. На крышках выцветшим фломастером было выведено: «Детские вещи».

Ира схватила обе, прижала к груди и быстро, стараясь не шуметь, поднялась обратно в спальню. Вошла, затаив дыхание, — Лиза спала, Алексей ещё не вернулся.

Она села на пол и открыла первую коробку. Сверху лежали крошечные чепчики — две штуки, белый и бледно-синий, с завязочками. На белом чьей-то неумелой рукой был вышит зайчик с одним ухом короче другого — кажется, она сама вышивала когда-то, ещё до рождения близнецов. Ира достала его, расправила. Пальцы дрогнули сами собой. Во второй коробке нашлись трое ситцевых ползунков — совсем маленьких, на первые месяцы, — и пара тонких пелёнок с выцветшим рисунком. Всё было чистое, аккуратно сложенное. Когда-то приготовленное и не пригодившееся.

Ира достала чепчик с зайчиком, бережно натянула Лизе на голову. Девочка не проснулась. В груди у Иры что-то сжалось — не больно, а тепло и горько одновременно.

Она сложила оставшиеся вещи обратно в коробки и поставила их в угол спальни. Пусть пока будут под рукой. Потом присела на край кровати, рядом с малышкой.

Лиза спала спокойно, словно весь мир не имел к ней никакого отношения. Ира смотрела на неё и пыталась понять, что чувствует. Не нежность — это точно. Не материнскую

любовь, ту самую, которая когда-то захлестнула её с головой при виде Олега, а потом Димы. Тогда она знала: это моё. Моя кровь. Моя плоть. А сейчас? Сейчас перед ней лежал чужой ребёнок, завернутый в самодельную пелёнку, и Ира не могла найти в себе ничего, кроме тревоги.

«Что я натворила?» — подумала она.

Лиза завозилась во сне, крошечные пальчики сжались в кулачки и разжались. Ира протянула руку и осторожно, едва касаясь, погладила её по голове. Волосики были мягкие, как пух.

«Я справлюсь, — сказала она себе. — Я должна справиться. У меня нет выбора».

Завтра она выходная. Они с Алексеем съездят по магазинам и купят всё необходим

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.